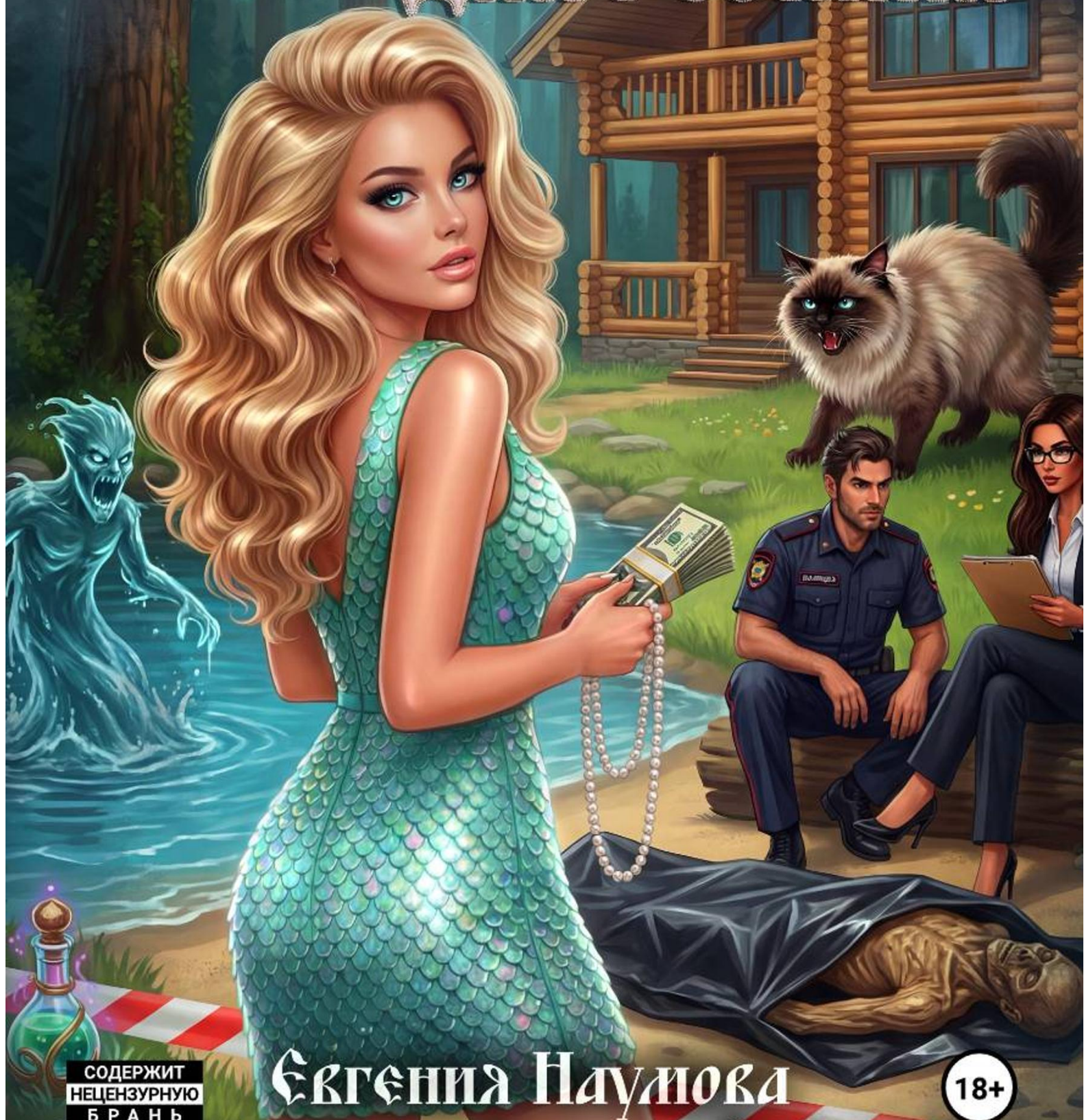

АЛИМЕНТЫ ДЛЯ РУСААКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евгения Наумова

18+

Детективное агентство «Вороний глаз»

Евгения Наумова
Алименты для русалки

«Автор»

2026

Наумова Е.

Алименты для русалки / Е. Наумова — «Автор», 2026

Первая книга серии "Детективное агентство "Вороний глаз""Получить в наследство дом странной бабушки — полбеда. Оказаться в центре расследования убийства, где логика бессильна, — уже проблема. Василисе предстоит узнать, что в этом провинциальном городе законы физики уступают место законам магии. А магические существа иногда человечнее людей. Смертельно опасно и чертовски смешно.

© Наумова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Акт приема-передачи (смерти)	5
ГЛАВА 1. Наследство с обременением	9
ГЛАВА 2. Досудебное урегулирование	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Евгения Наумова

Алименты для русалки

ПРОЛОГ. Акт приема-передачи (смерти)

В кабинете стоял тяжелый, вязкий дух – не запах ладана и не сырой аромат могильной земли, как подобало бы при столь мрачных обстоятельствах, а тошнотворная смесь дешевого растворимого кофе, вековой пыли и почему-то жженой резины. Этот воздух был неестественно густ; казалось, он обладал собственной плотностью и волей. Тишина в комнате звенела, натянутая, как струна перед тем, как лопнуть. Старые настенные часы, обычно отмерявшие время с монотонным безразличием, теперь, казалось, сбивались с ритма, то замирая на бесконечно долгую секунду, то пускаясь в лихорадочный галоп, словно стремясь скорее проскочить этот проклятый час. Тени по углам сгустились, утратив естественные очертания; они шевелились сами по себе, игнорируя законы оптики, и тянулись к центру комнаты жадными, безмолвными щупальцами.

За окном, помутневшим, будто покрытым бельмом слепого старика или налетом дурного сна, бесновался июльский ветер. Он не просто дул – он выл в узких, кривых переулках Тумановца глухо и злорадно, словно голодный зверь, почуявший добычу. Ветер сбивал с деревьев еще зеленые листья, швырял их в мокрый асфальт, перемешивая с обрывками грязных газет и пустыми целлофановыми пакетами. Эти пакеты, раздутые потоками воздуха, парили в воздухе, извиваясь в неестественном танце, будто бестелесные призраки, ведомые не порывами стихии, а чьей-то чуждой, незримой рукой, дирижирующей этим хаосом.

Это была не просто непогода. Природа, – наполненная давлением и досадой – будто взбунтовалась против самой реальности. Каждая вспышка молнии, озарявшая комнату мертвенно-бледным светом, выхватывала из полумрака вещи, которые на долю секунды казались чем-то иным: вешалка превращалась в сутулую фигуру мрачной тени, стопка бумаг – в надгробную плиту. Мир затаил дыхание, зная: то, что грядет следом за этим дождем, не смыть водой. Дверь, которую никто не отпирал, скрипнула, приоткрываясь на пару сантиметров, и из темного коридора повеяло могильным холодом.

Полина Семеновна Воронова, нотариус с пятидесятилетним стажем и Хранительница с вековым, красивая и аристократичная пожилая женщина сидела в своем кресле прямо. Ее спина не касалась спинки кресла. Осанка у нее была такой, словно в позвоночник вставили стальной стержень. Перед ней на столе из векового дуба с вставками из эпоксидной смолы лежал документ.

Напротив, сидел Гость.

Любой, кто ожидал бы увидеть фигуру в черном балахоне с капюшоном, скрывающим провал вместо лица, или услышать скрежет косы по паркету, был бы жестоко разочарован. Смерть, или тот, кто выполнял её поручения в этот вторник, выглядел до ужаса скучно. Это была сама квинтэссенция бюрократической серости. Немного помятый костюм-тройка мышинного цвета, который явно знал лучшие времена, очки в тонкой, почти невидимой оправе, за которыми прятались черные без белков, ничего не выражающие глаза.

Единственной деталью, выбивавшейся из образа утомленного клерка, был кейс. Он стоял у ножки стула, аккуратный, дорогой. Кожа, из которой он был сшит, имела странный, слишком живой оттенок и текстуру. При беглом взгляде она казалась телячьей, но стоило присмотреться – и по спине бежал холодок: поры были слишком знакомыми, слишком человеческими. Выделана она была, впрочем, безукоризненно. Гость молчал, и в этом молчании, было больше угрозы, чем в любом загробном шепоте.

– Пункт 4.2, – сухо сказала Полина Семеновна, постукивая по пергаменту узловатым пальцем с перстнем-печаткой. – «Передача полномочий осуществляется в момент последнего выдоха Передающей стороны». Это стандартная формулировка, я понимаю. Но меня интересует приложение «Б».

Гость вздохнул. Звук был похож на шелест сухих страниц.

– Полина Семеновна, – начал он тоном, которым обычно уговаривают капризных детей или выживших из ума стариков. – Мы с вами работаем с тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Мы пережили застой, перестройку, лихие девяностые и сытые нулевые. Вы же знаете регламент. Вы всегда отличались педантичностью.

Он демонстративно, но элегантно оттянул манжету серого пиджака, обнажая запястье. Часов там не было – Смерти не нужны механизмы, чтобы знать время, – но жест был понятен.

– Ваше время истекло в восемнадцать сорок две. Посмотрите на настенные часы. Сейчас уже девятнадцать пятнадцать. Мы выбиваемся из графика. Мы создаем пробку в потоке душ.

Гость поморщился, словно от зубной боли.

– Меня, между прочим, уже, ждет замминистра по строительству. У него обширный инфаркт, классический, в сауне. Душа уже наполовину покинула тело, мечется под потолком и зовет проводников, но он все еще цепляется синюющими пальцами за телефон, пытаясь переписать дачу на любовницу. Истерика, сопли, угрозы уволить врачей скорой помощи. А я сижу здесь и обсуждаю с вами пунктуацию. Полина Семеновна, имейте совесть.

– Совесть – понятие этическое, а не юридическое, – отрезала старуха. – В приложении «Б» сказано, что «Наследник вступает в права владения имуществом и Обязательствами без предварительного уведомления». Вы вообще понимаете, что это значит? Вы хотите, чтобы я бросила единственную внучку под танк? Без подготовки? Без инструкции? Зная, что древние силы что-то замышляют?

Полина Семеновна на секунду замолчала, представляя себе внучку.

– Она корпоративный юрист в Москве. Ходит в брендовых деловых костюмах, пьет латте и считает, что самое страшное, что может случиться в жизни – это внеплановая налоговая проверка или падение котировок. Она живет в бетонном человейнике, в мире, где договоры подписывают цифровой подписью. А тут вы. Со своими... специфическими клиентами.

Полина Семеновна кивнула в темный угол комнаты. Из тени блеснули два голубых глаза. Раздалось низкое, утробное ворчание, и запах жженой резины усилился.

– Тихо, – бросила она в угол. – Я еще не умерла, я работаю.

В углу обиженно засопели, и голубые огни погасли.

– Вот видите? – она снова повернулась к Гостю. – Вы предлагаете мне оставить её один на один с этим? Девочка придет принимать наследство, думая, что получит бабушкин домик и столовое серебро, а получит портал в Навь и в придачу разрывы в тонкие миры по всему миру, из которых скоро начнет тянуть свои щупальца тьма.

– Девочка справится. Кровь не водица, – он полез во внутренний карман пиджака и извлек тяжелую перьевую ручку, корпус которой отливал глубоким, маслянистым блеском воронова крыла. – К тому же, у нее Дар. Сильный. Истинное Зрение у нее активно с рождения.

– Она его блокирует, – фыркнула старуха, глядя на ручку с профессиональным скепсисом. – Она глушит его антидепрессантами и работой по двадцать часов в сутки. Она называет это «профессиональной интуицией».

Повисла пауза. Ветер за окном усилился, швырнув в стекло горсть мокрых листьев и пластикового мусора, словно требуя впустить его внутрь. Где-то вдалеке громыхнуло – гроза уходила, но неохотно, огрызаясь.

– Ладно, – наконец сказала Полина Семеновна. Плечи её чуть опустились. – Я понимаю, что вы тоже лицо подневольное. У вас отчетность, дебет, кредит, души...

Она протянула руку и взяла предложенную ручку. Её ладонь, покрытая сетью коричневых пигментных пятен и вздувшихся вен, была твердой. Никакого тремора. Рука хирурга или снайпера.

– Я подпишу. Но с дополнительным соглашением. Пишите, или я отказываюсь умирать, и пусть ваша канцелярия хоть лопнет от бюрократического коллапса. Вы же знаете, что на Василису возложена очень тяжелая ноша. Ей предначертано большее, чем быть Хранительницей.

Гость молча кивнул, признавая поражение. Спорить с Вороновой было себе дороже, мир вскоре ждали перемены, которые пугали даже его.

– Кота... то есть, ассистента, оставляю на балансе конторы. Он в курсе дел. И дайте ей хотя бы сутки форы, прежде чем местные упыри поймут, что Печать сменила хозяина.

– Сутки – это много, – покачал головой Гость. – К утру почуют. Баланс сил нарушен, Полина Семеновна. Лес волнуется.

– Двенадцать часов. И вы гарантируете, что ее поезд не сойдет с рельсов.

Гость помолчал, взвешивая риски. Видимо, душа замминистра в коридоре совсем извелась, потому что он кивнул подозрительно торопливо.

– Договорились.

Полина Семеновна удовлетворительно хмыкнула. Она открутила колпачок ручки, и тот издал мягкий, влажный чпок. Прижав перо к пергаменту, она размашисто, с нажимом, расписалась: «П.С. Воронова». Чернила были красными, но быстро темнели, впитываясь в бумагу документа.

В комнате стало неестественно тихо. Ветер за окном стих, будто кто-то выключил все звуки у мира. Перестал гудеть электрический камин, затих скрип ставен. Даже время, казалось, остановилось, уважая момент перехода.

Старуха аккуратно отложила ручку, выровняв её параллельно краю документа – порядок должен быть во всем, до самого конца. Она оправила кружевной воротничок на своем строгом черном платье, разгладила несуществующую складку на юбке и откинулась на спинку кресла. Впервые за вечер её спина коснулась опоры. Напряжение, державшее её как стальной корсет последние пятьдесят лет, ушло.

– Ну, наконец-то, – прошептала она.

Ее грудь опустилась и больше не поднялась.

Гость сидел неподвижно еще минуту, давая душе возможность окончательно разорвать серебряную нить. Затем он встал. Движения его были плавными, лишёнными человеческой суетливости. Он аккуратно, кончиками пальцев взял пергамент, свернул его в тугий свиток и спрятал в свой странный кейс.

Он почтительно, но без лишнего пафоса поклонился телу, сидящему в кресле. Теперь это была просто оболочка, костюм, который стал мал.

Затем Гость медленно повернулся к темному углу.

– Присматривай за ней, Иннокентий. Наследница прибудет завтра. Срок – двенадцать часов.

Из тени вышел огромный сиамский кот. Он был размером с добрую рысь, с рваным ухом и взглядом, полным экзистенциальной тоски. Кот подошел к столу, посмотрел на хозяйку, потом на Гостя и отчетливо, хриплым басом произнес:

– Вот же с-с-суки. Даже покурить перед смертью не дали.

Кот пошарил лапой под столом, что-то там нащупывая. Через секунду он извлек на свет черный лакированный портсигар и металлическую зажигалку. Ловким движением, используя один лишь втяжной коготь как стилет, он выбил папиросу, сунул её в угол пасти и чиркнул колесиком зажигалки.

Огонек осветил его усатую морду.

Гость ничего не ответил. Он начал истончаться, терять краски и плотность, превращаясь в серый туман. Через мгновение он растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкий, запах медицинского формалина.

Кот глубоко, со вкусом затянулся. Огонек папиросы ярко тлел в полумраке. Он выпустил густую струю сизого дыма прямо в высокий потолок, посмотрел на спокойное лицо Полины Семеновны и осторожно положил тяжелую, теплую лапу на её уже остывающую руку.

– Спи, Семеновна, – тихо пророкотал он, и в голосе его прозвучала неожиданная нежность. – Отдыхай. Я прикрою. А завтра... завтра мы устроим этой юристке курс молодого бойца.

Он снова затянулся, и в тишине кабинета, где пахло смертью, кофе и табаком, стало чуть менее одиноко.

ГЛАВА 1. Наследство с обременением

Поезд номер 066 «Москва – Тумановец» не просто ехал. Он совершал преступление против времени и здравого смысла. Состав крался, виновато поскрипывая суставами сцепок, словно боялся ненароком разбудить то древнее и недоброе, что дремало в бескрайних лесах, обступивших железнодорожное полотно плотной стеной.

За окном, которое, казалось, не мыли со времен распада Союза, проплывала бесконечная, унылая серость. Это были даже не пейзажи, а какая-то размазанная акварель депрессивного художника: мокрые, изогнутые в неестественных позах березы; покосившиеся заборы; черные провалы заброшенных деревень. Небо висело так низко, что давило на крышу вагона свинцовым прессом. Оно было не серым, а цвета старой гематомы – грязно-лиловым, набухшим влагой. Казалось, стоит только рискнуть, приоткрыть заклинившую форточку и высунуть руку – и пальцы погрузятся в эту холодную, мокрую вату.

Но форточка в купе не открывалась.

Василиса Воронова ненавидела поезд. Нет, это слово не передавало всей гаммы её чувств. Она испытывала к ним холодную, профессиональную брезгливость, какую испытывает хирург к грязному инструменту. Поезд для неё был воплощением всего того, с чем она боролась всю свою сознательную жизнь: неэффективности, медлительности и отсутствия контроля.

Шесть часов. Три с половиной тысячи вычеркнутых минут. В капсуле без нормальной вентиляции, где время течет густо, как засахарившийся мед. Здесь, в этом прямоугольном движущемся аду на колесах с ковровыми дорожками, которые помнили шаги партийной номенклатуры, не работал ни один закон нормального мира. Wi-Fi ловил только на станциях, да и то – через раз, словно делая одолжение. Мобильный интернет дразнил одной жалкой «палочкой» Е-сети, которой не хватало даже на то, чтобы прогрузить заголовок письма.

Чай в подстаканнике – этом архаичном символе железнодорожного уюта – мелко дрожал в такт колесам, и эта дрожь бесила Васю до зубовного скрежета. Каждая вибрация грозила выплеснуть сладкую бурю на клавиатуру её ноутбука, на святая святых, где хранилась вся её жизнь, упакованная в таблицы Excel и драфты договоров.

Васе было двадцать восемь. Она носила идеально скроенные брючные костюмы, очки без диоптрий (для солидности) и модную стрижку с укладкой, которые стоили как средняя зарплата в том городе, куда она ехала. Она была младшим партнером в юридической фирме «Золотов и партнеры», специализировалась на слияниях и поглощениях, и верила только в три вещи: Гражданский кодекс РФ, мелкий шрифт в договорах и то, что любые проблемы решаются деньгами.

Сейчас она ехала вступать в наследство.

Она с остервенением нажала кнопку «обновить» в почтовом клиенте, но колесико загрузки лишь издевательски крутилось.

– Черт, – тихо выдохнула она.

На экране, в единственном открытом файле, светилась выписка из ЕГРН, которую она успела скачать еще в Москве.

– «Объект индивидуального жилищного строительства. Дом бревенчатый, двухэтажный, общей площадью 150 квадратных метров...» – пробормотала она, скользя взглядом по строчкам. – «Расположенный по адресу: г. Тумановец, тупик Ведьмин, дом 13».

Вася сняла очки и потерла переносицу.

– Ведьмин тупик, – повторила она вслух, пробуя слова на вкус. Они горчили. – Господи, бабушка, ну почему не квартира в Химках? Почему не студия в Бутово? Зачем этот готический пафос?

Наследство свалилось на неё не как снег на голову. С Полиной Семеновной Вороновой Вася не виделась больше десяти лет. С того самого момента, как поступила на юрфак и окончательно выбрала сторону «света» – сторону логики, закона и кондиционированных офисов.

Её родители, прогрессивные геологи, всю жизнь мотавшиеся по экспедициям от Таймыра до Камчатки, всегда считали бабушку Полину «немного ку-ку». Это было семейным эвфемизмом. За этим мягким «ку-ку» скрывалось раздражение от пучков сушеной полыни, развешанных по углам, от странных гостей, приходивших к бабушке по ночам, и от её категорического отказа переезжать в город.

– Мама у нас... своеобразная, – говорил отец, виновато улыбаясь, когда маленькая Вася спрашивала, почему бабушка разговаривает с котом на «вы». – Она живет в своем мире. Там другие законы физики, Васёна.

Вася помнила из детства немного. Память милосердно стерла подробности, оставив лишь ощущения. Запах. Густой, пряный запах сушеных грибов, воска и старой бумаги. Скрип половиц, который звучал как музыкальный инструмент. И строгий, не терпящий возражений голос:

«Не ходи в сарай, Василиса. Не смей. Там домовая сердится. Он не любит, когда шумят».

Тогда, в пять лет, это казалось страшным. Она верила. Она обходила старый, покосившийся сарай десятой дорогой, чувствуя спиной чей-то тяжелый взгляд из темной щели между досками. Теперь, в двадцать восемь, вспоминая это, она чувствовала лишь досаду. Детские сказки, которыми взрослые пугают детей, чтобы те не лезли куда не следует и не поранились о ржавые гвозди.

– Домовой, – хмыкнула Вася, глядя на свое отражение в темном стекле вагона. – Ага. А еще Баба-Яга, Кощей и налоговая инспекция по сказочным округам.

Теперь сказки кончились. Осталась недвижимость. Ликвидный актив. Или неликвидный, судя по локации.

Грустно, но это жизнь, Василиса настолько привыкла прятать эмоции за маской непробиваемого профессионала, что эта маска плотно срослась с ее настоящей тонкой и эмоциональной натурой, став барьером между ее душой и внешними раздражителями, способными ранить или даже убить. Поэтому она следовала четко составленному плану.

И план этот был прост: приехать, оформить право собственности, продать дом первому встречному (риелтор уже звонил, какой-то назойливый тип) и вернуться в Москву к завтрашнему совещанию.

Поезд дернулся, словно споткнулся о шпалу, и лягнул буферами. Скорость начала падать. Колеса застучали реже, тяжелее, будто состав въезжал в густое масло.

– Уважаемые пассажиры! – динамик над дверью ожил, издав звук, похожий на предсмертный хрип раненого зверя. – Станция Тумановец! Стоянка поезда... две минуты! Будьте внимательны и осторожны при выходе!

Голос проводницы из колонок звучал так, будто её душили подушкой, и она из последних сил пыталась предупредить мир о чем-то ужасном.

Вася с щелчком захлопнула крышку ноутбука. Индикатор включения на крышке погас, и последнее окно в цивилизацию закрылось. Она подхватила легкую кожаную сумку (никаких чемоданов, никаких лишних вещей, она здесь не задержится ни на минуту дольше необходимого) и встала. Поправила пиджак, проверила, на месте ли смартфон во внутреннем кармане.

Она вышла в коридор. Вагон был пуст. Казалось, она была единственным пассажиром, рискнувшим ехать в этом направлении. Проводница, полная женщина с усталым лицом, стояла у открытой двери тамбура и смотрела в темноту с выражением обреченности.

Вася шагнула на перрон.

Тумановец встретил её плохой погодой.

Это был не тот бодрый, деловой московский ливень, который моет улицы и загоняет хипстеров в кофейни. Это была мелкая, липкая, вездесущая морось. Она не падала с неба, она висела в воздухе, как аэрозоль, как взвесь. Она мгновенно оседала на лице, на очках, на дорогой шерсти костюма, превращая все в мокрую, жалкую пародию на самих себя. Воздух пах мокрым углем, прелой листвой и чем-то сладковатым, гнилостным – то ли болотом, то ли застоявшейся водой в цветочном вазе.

Перрон представлял собой полосу потрескавшегося асфальта, из разломов которого пробивалась трава неестественно яркого, изумрудного цвета. Вокзал – приземистое здание сталинской постройки с колоннами – был выкрашен в грязно-бордовый цвет со светлыми полосками пародии на архитектурные вставки белого цвета, от общего вида рябило в глазах. Окна вокзала были темны, словно глаза слепца. Ни вывесок, ни рекламы такси, ни ларьков с шаурмой.

Пустота. И поздний вечер.

Вася поежилась. Холод пробирался под тонкую ткань блузки, касаясь кожи липкими пальцами. Она огляделась в поисках хоть какой-то жизни.

В дальнем конце перрона, под козырьком, стояли двое. Полицейские. Форма на них сидела мешковато, фуражки были сдвинуты на затылки. Обычные провинциальные ППСники, каких тысячи. Они курили, пряча огоньки сигарет в ладонях.

Но было в них что-то неправильное.

Вася прищурилась, протирая очки от водяной пыли.

Они стояли спиной к путям. Спиной к прибывшему поезду. Они не смотрели на пассажиров (которых, впрочем, и не было, кроме Васи). Они не смотрели на часы.

Они внимательно, напряженно, почти не мигая, смотрели в лес.

Лес начинался сразу за путями. Черная, плотная стена деревьев, смыкавшаяся над железной дорогой как свод тоннеля.

Один из полицейских положил руку на кобуру. Не небрежно, как это делают в кино, а нервно, судорожно. Его пальцы побелели, сжимая рукоять табельного пистолета. Второй что-то шепнул напарнику, не отрывая взгляда от кустов, которые едва заметно шевелились, хотя ветра не было.

«Что они там увидели?» – пронеслось в голове у Васи. Инстинкт самосохранения, дремавший под слоем корпоративной этики, вдруг взвыл сиреной. «Беги обратно в вагон. Закройся. Уезжай».

Но поезд, издав прощальный, жалобный гудок, дернулся и пополз дальше, унося с собой тепло, свет и надежду на возвращение в понятный мир. Последний вагон скрылся в тумане через несколько секунд, словно его стерли ластиком.

Василиса осталась одна. На пустом перроне, под морозящим дождем, в городе, который, казалось, был ей не рад.

Она крепче сжала ручку сумки, выпрямила спину – осанка всегда была её оружием – и зацокала каблуками по мокрому асфальту в сторону вокзала. Звук её шагов был слишком громким, слишком четким, чужеродным здесь.

Полицейские даже не обернулись на звук. Они продолжали смотреть в лес, словно ждали атаки.

– Простите! – громко сказала Вася, подходя к ним. Голос её, привыкший командовать ассистентами, здесь прозвучал тонко и неуверенно. – Где здесь выход в город? И где можно найти такси?

Старший из полицейских, грузный мужчина с усами, похожими на щетку для обуви, медленно повернул голову. Его глаза были расширены, зрачки – как черные блюдца. Он посмотрел на Васю так, словно увидел привидение.

– В город? – переспросил он хрипло. – А вы, гражданочка, уверены, что вам туда надо?

– У меня там дела, – отрезала Вася, возвращая себе самообладание. – Наследство.

Молодой напарник, рыжий и прыщавенький худой парень махнул рукой в сторону одиноко стоящей «Волги» с шашечками, обернулся к старшему коллеге, и они потеряли к девушке интерес, продолжая молча гипнотизировать лес.

Девушка пошла к автомобилю местного бомбиля, таксист тоже показался девушке странным. Хотя и выглядел он как обычный деревенский мужичок неопределенного возраста в кепке-аэродроме и кожаной куртке, которая видела еще перестройку.

– Вам куда?

– Ведьмин тупик, 13.

Улыбка таксиста сползла внезапно, как плохо приклеенные обои. Он отступил на шаг.

– К Воронихе? Не, я туда не поеду. Там колеса спускает. И вообще... место нехорошее.

– Я заплачу тройной тариф, – Вася достала из кошелька две крупные купюры.

Жадность боролась со страхом ровно три секунды. Жадность победила нокаутом.

– Садитесь, – буркнул он. – Но к воротам не подъеду. Высажу на повороте.

«Волга» пахла бензином и дешевым освежителем «Елочка», который не справлялся с запахом страха самого водителя. Ехали молча. Город за окном выглядел как декорация к фильму про тоску и безысходность. Панельные пятиэтажки с темными окнами, большие серые многоуровневые офисные и торговые сетевые магазины в центре, чередовались с частным сектором, где дома врастали в землю по самые наличники на окнах.

Вася заметила странность: на многих домах, прямо над дверями, висели пучки сухой травы или подковы. А на перекрестке она увидела, как старушка выливает ведро молока в канализационный люк.

– Странные у вас традиции, – заметила Вася.

– Жить захочешь – и не так раскорячишься, – философски заметил водитель, глядя строго вперед. – У нас, знаете ли, ЖКХ работает плохо, а вот Подполье – хорошо.

– Какое подполье? Партизаны?

– Ага. Партизаны. С хвостами и рогами, – он нервно хохотнул. – Приехали. Дальше сами.

Едва она захлопнула дверь, машина рванула с места с такой прытью, будто за ней гналась стая волков. Из-под колес брызнул гравий, и через секунду красные габаритные огни растворились в сгущающихся сумерках, оставив после себя лишь запах дешевого бензина и тревоги.

Прямо перед ней, в конце разбитой колеи, стоял знак «Тупик», ржавый и изъеденный оспой времени, он был перечеркнут размашистым, кровавым росчерком – чей-то отчаянный жест, то ли предостережение, то ли констатация факта.

Василиса осталась одна.

Тишина здесь была не просто отсутствием звука. Она была плотной, осязаемой субстанцией, которая давила на барабанные перепонки, заставляя слышать гул крови в собственных висках. Воздух, густой и влажный, пах чем-то, незнакомым и тревожным – то ли болотной водой, то ли озоном перед грозой. Девушка стояла, городская до мозга костей, в своем безупречно скроенном брючном костюме цвета слоновой кости, сжимая в руке ремешок дорогой сумки, и чувствовала себя инородным, нелепым элементом в этом первобытном пейзаже.

Перед ней стоял Дом.

Вопреки ее худшим опасениям, это была не покосившаяся развалюха, готовая рассыпаться от порыва ветра. Нет. Это был сруб. Могучий, исполинский, сложенный из бревен. Дерево потемнело от десятилетий, дождей и снегов, приобретая цвет горького шоколада, и казалось, что оно не мертво, а лишь спит тревожным сном. Дом дышал. Он был живым существом, вросшим в землю, как древний дуб. Его окна, узкие и длинные, без наличников, походили на прищуренные глаза старого хищника, что с ленивым подозрением разглядывал незваную гостью. Крыша, покрытая выцветшей, но удивительно целой черепицей, нависала над крыльцом, как насупленные, заросшие мхом брови. Весь его вид говорил не о ветхости, а о дремлющей, непоколебимой силе.

На массивной, окованной железом дубовой двери, которая казалась входом не в дом, а в цитадель, висела потускневшая латунная табличка. Василиса, сделав несколько неуверенных шагов по заросшей тропинке, подошла ближе. Влажной салфеткой, предназначенной для снятия макияжа, она протерла патины и зеленую медь. Буквы, выведенные с дореволюционной обстоятельностью, проступили на свет.

«Нотариальная контора П.С. Вороновой. Дела гражданские, семейные и иные. Прием строго по записи. В полнолуние – выходной».

– Иные дела... Юмористка, – хмыкнула Вася, хотя смешно ей не было. Слово «иные» здесь, в этой глуши, перед этим домом-зверем, звучало зловеще.

Она достала из сумки связку ключей, которую ей всучил молчаливый курьер в шумном московском офисе. Среди обычных ключей от городской квартиры был один – гигант. Тяжелый, выкованный из темного металла, с бороздкой немыслимо сложной, кружевной формы. Он казался артефактом из рыцарского романа. Дрожащими от холода или от нервов пальцами она вставила его в замочную скважину. Ключ вошел с мягким, маслянистым щелчком, словно замок, десятилетиями ждал именно этого прикосновения. Дверь, вопреки ожиданиям, открылась абсолютно бесшумно, выпустив наружу волну спертого, воздуха, пахнувшего пылью, воском и сушеными травами.

Внутри царил мрак. Густой, непроницаемый, как смола. Вася шагнула за порог и замерла, не решаясь идти дальше. Рука сама собой скользнула по бревенчатой стене в поисках выключателя. Под потолком вспыхнула одинокая лампочка в красивом антикварном абажуре.

Офис бабушки напоминал музей и бюрократический ад одновременно. Вдоль стен, до самого потолка, тянулись стеллажи, но не из дешевого ДСП, а из настоящего, потрескавшегося от времени дуба. И они были забиты папками. Тысячами папок. Но это были не привычные картонные прямоугольные канцелярские папки. Это были фолианты в кожаных переплетах с тяжелыми металлическими уголками, больше похожие на средневековые гримуары. На их корешках, выведенные каллиграфическим почерком, стояли не безликие номера дел и даты. Там были странные надписи, от которых по спине пробегал холодок. «Упыри (имущественные споры)», «Леший и Лесхоз (незаконная вырубка)», «Домовые (трудовые договоры и споры о подношениях)», «Кикиморы (раздел болот)», «Водяные (нарушение границ акватории)».

– Так, Василиса, соберись. Бабушка была эксцентричной, возможно с возрастом стала городской сумасшедшей, это нормально, – сказала она себе вслух. Голос прозвучал гулко. – Сейчас придет риелтор, мы все подпишем, и я уеду. А этот хлам сожжем.

– Я бы попросил не выражаться, – раздался из темного угла голос. Спокойный, низкий, с бархатными, чуть насмешливыми нотками. – Это не хлам, а архивы особой важности. Наследие. А вот ваш костюм от известного бренда, боюсь, здесь действительно неуместен. Слишком маркий.

Сумка выпала из ослабевших пальцев Васи и глухо стукнулась о пол.

На огромном письменном столе, заваленном бумагами, свитками и странными предметами, сидел кот. Он смотрел на девушку не мигая, закинув лапу на лапу, на стопке пожелтевших дел. Огромный, сиамский, с шерстью цвета топленых сливок и шоколадными отметинами. Глаза его, синие, как два сапфира, смотрели на нее с нескрываемым снисхождением. А в зубах, элегантно зажатая в углу рта, дымилась сигарета, испуская в затхлый воздух струйку горького дыма.

Василиса моргнула. Раз. Два. Кот не исчез. Он лишь стряхнул пепел в массивную бронзовую пепельницу.

– У меня галлюцинации, – констатировала она, отступая на шаг. Голос был чужим. – Острое переутомление. Стресс. Гипогликемия.

– У тебя острый недостаток воспитания, – парировал кот, выпустив два колечка дыма через ноздри. – Здравствуй, Василиса. Меня зовут Иннокентий. Я – твой ассистент, помощ-

ник и хранитель дома, если позволите ваш фамильяр. Твоя бабушка, мир ее праху, почила. Но оставила после себя просто гору незакрытых дел и юридических казусов. Так что добро пожаловать. Сигаретку?

– Коты. Не. Разговаривают, – выдавила из себя Вася, пятась к спасительной двери. Мозг лихорадочно цеплялся за остатки логики. – Это биологически невозможно. У вас отсутствует необходимый для этого речевой аппарат.

– А у тебя отсутствует совесть, раз уж ты вознамерилась продать родовое гнездо этому типу, Свинину, – кот с неожиданной грацией спрыгнул со стола. Старые половицы под его весом солидно скрипнули. – Кстати, он сейчас будет. С минуты на минуту. Мерзкий, скользкий тип. Я бы на твоём месте, прежде чем ставить подпись, очень внимательно проверил пункт о форс-мажорных обстоятельствах в его договоре. Очень. Внимательно.

И в этот самый момент в дверь оглушительно постучали. Не постучали – забарабанили. Настойчиво, сильно, бесцеремонно.

Вася подпрыгнула. Рациональная часть ее мозга, отчаянно борясь с паникой, шептала спасительные слова: «Это розыгрыш. Скрытая камера. Кто-то поставил динамик в углу. Это сложная аниматронная кукла, как в парке развлечений».

Она распахнула дверь.

На пороге стоял мужчина. Низкий, округлый, с розовым лицом и маленькими, бегающими глазками. Он был одет в дешевый синтетический костюм, который трещал по швам.

– Василиса Сергеевна! – радостно взвизгнул он, протягивая потную ладошку. – Геннадий Свинин, агентство недвижимости «Элит-Сруб». Как добрались? Ух, какая погодка, а? Давайте сразу к делу, у меня клиент горит, деньги наличкой, прямо сейчас!

Он буквально втолкнул Васю обратно в дом и, не снимая грязных ботинок, прошел к столу.

– Вот, договорчик! – он с шумом выхватил из папки и шлепнул на стол бумаги. – Типовой! Все чистенько, как слеза младенца! Вы нам этот прекрасный домик и земельку, а мы вам – четыре миллиона рублей! Щедро, согласитесь, для такой-то дыры! Подписывайте вот здесь, и вот здесь, и еще инициалы на каждой страничке.

Василиса, все еще искоса поглядывая на кота (который с невозмутимым видом взобрался на шкаф и притворился чучелом), внезапно почувствовала, как привычная профессиональная злость вытесняет страх. Цифры. Договоры. Юридические формулировки. Это была ее стихия. Это возвращало ее в реальность.

Она взяла договор.

– Четыре миллиона? – ее бровь поползла вверх. – Геннадий, кадастровая стоимость одного только этого участка вдвое выше. – Она быстро, по диагонали, пробежала глазами текст. Пальцы сами находили нужные строки. – Пункт 7.3: «Продавец гарантирует полное отсутствие каких-либо обременений, как-то: залоговых, арендных, а также астральных, inferнальных и прочих, имеющих магический характер»? Это что за бред?

– Шутка юмора! – нервно, слишком громко хохотнул Свинин. У него по лбу, огибая редкие волосы, скатилась капля пота. – Местный колорит, так сказать! Для атмосферы! Подписывайте, Василиса Сергеевна, не тяните. Ну же!

И тут Свинин сделал роковое движение. Он вдруг протянул свою короткую пухлую руку к столу, где среди бумаг стояла тяжелая чугунная печать. Древняя, массивная, ее рукоять была выполнена в форме черепа ворона.

– И печать, печать, конечно, тоже передается вместе с домом! Это же инвентарь!

– Не трогай! – внезапно рывкнул кот со шкафа, и в его голосе прозвучала сталь. – Она не инициирована!

Но было поздно. Пальцы Свирина сомкнулись на холодном металле.

В тот же миг воздух в комнате сгустился, стал тяжелым, как ртуть. Лампочка под потолком замигала и погасла. Единственным источником света стала печать. Она вспыхнула ослепительным, багровым светом, который ударил в глаза. Свинин взвизгнул, как резаный, но не смог разжать пальцы – казалось, раскаленный металл прирос к его руке.

– А-а-а-а! Горячо! Жжется! – заорал риелтор, и его голос начал меняться, булькать.

Его лицо на глазах у Василисы начало оплывать, терять форму. Розовые щеки раздулись, наливаясь красным оттенком. Нос поплыл, сплюснулся и вытянулся вперед, превращаясь в розовый пяточок. Глаза, и без того маленькие, налились кровью и злобой. Уши вытянулись и заострились. Костюм с оглушительным треском лопнул на спине, обнажая щетинистую, покрытую жесткой шерстью кожу.

– Хрю! – вырвалось из его глотки. – Отдай! Это моя земля! Моя! Желуди! Тьфу, то есть деньги! Мои деньги!

Василиса, лишившись дара речи, вжалась в стену. На ее глазах человек, риелтор Геннадий Свинин, превращался в огромную, жирную, разъяренную свинью, лишь отдаленно напоминающую человека, облаченную в лохмотья дорогого пиджака.

– Обратное зелье, видать, просроченное, или дозировку не рассчитал, – с брезгливым отвращением прокомментировал кот со шкафа. – Я же говорил, Свинин – это не просто фамилия. Он из клана Перевертышей. Мелкие, пакостные твари. Они давно на это место зуб точат.

Свинья-риелтор, неуклюже встав на задние лапы (которые теперь были копытами), с утробным ревом бросилась прямо на Васю.

– Подпиши! – визжала свинья человеческим голосом, брызгая слюной. – Подпиши, сука городская!

В этот момент мозг Василисы отключился. Все ее образование, опыт, логика – все испарилось. Остались только чистые, животные рефлексy. Ее рука метнулась к столу и схватила первое, что попало. Это был тяжелый, увесистый том в твердом темно-вишневом переплете. «Уголовный кодекс Российской Федерации. С комментариями и дополнениями».

– Нападение на представителя власти при исполнении! – выкрикнула она, сама не понимая, что говорит, и со всей силы, вложив в удар весь свой страх и ярость, опустила фолиант на голову монстра.

Удар вышел на славу. Тяжелый, глухой, сочный. Свинин коротко хрюкнул, его налитые кровью глаза удивленно закатились, и он с грохотом, сотрясая ветхие половицы, рухнул на пол. Печать, дымясь, отвалилась от его копыта и, звякнув, покатила к ногам Василисы.

Наступила тишина. Глубокая, вязкая. Только кот на шкафу, с философским видом, демонстративно затушил свою папиросу о корешок книги с названием «Магия для чайников».

Вася смотрела на огромную бессознательную свинью в рваных брюках. Потом на кота. Потом на печать, лежавшую у ее ног.

Ее мозг, натренированный годами искать логику в самых запутанных контрактах и хитросплетениях законов, выдал «Ошибка 404». А затем, через мгновение, перезагрузился в безопасном режиме.

– Так, – сказала она дрожащим, но уже не срывающимся голосом. – Допустим. Просто... просто допустим. Это все – массовый гипноз, или я вдохнула споры какой-то ядовитой плесени. Но...

Она подняла печать. Металл был теплым и приятно вибрировал в руке. Как только она коснулась его, перед глазами побежали странные строки, словно интерфейс дополненной реальности:

«Пользователь: Василиса Воронова. Статус: Наследница подтверждена. Уровень доступа: Полный. Активные задачи: 1. Утилизировать тело риелтора (шутка). 2. Принять дела. 3. Покормить кота».

– Кеша, – обратилась она к коту, чувствуя, как мир сдвигается с оси.

– Да, Хозяйка? – кот спрыгнул вниз и потерялся о ее ногу. Теперь он был размером с обычного кота, но глаза все еще были слишком умными.

– У нас есть кофе? Настоящий, в зернах?

– Только цикорий и настойка мухомора. Но я могу сбегать в ларек.

– Сбегай. И купи чего-нибудь сладкого, сахар поднять.

Вася, пошатываясь перешагнула через храпящего Свирина, села в бабушкино кресло и открыла ноутбук. Интернета не было. Зато в углу экрана появилась новая иконка: черный ворон.

Она кликнула. Открылся текстовый файл: *«Инструкция для чайников. Если ты это читаешь, значит, я умерла, а ты вляпалась. Пункт первый: никому не верь, особенно Лешему – он берет взятки. Пункт второй: Закон суров, но это Закон. Ты теперь Закон для тех, кого нет в людских кодексах. P.S. Кота не обижай, он злопамятный».*

Вася закрыла лицо руками и истерически хихикнула.

– ИП «Вороний глаз», – пробормотала она. – Ответственность застрахована. Ну что ж, проверим вашу юрисдикцию.

За окном, в стущающихся сумерках, вдруг раздался яростный, оглушительный рев, от которого задрожали стекла. Не зверя – человека.

– А, это Потапов, начальник местной полиции, – пояснил Кеша, ловко открывая входную дверь лапой. – Он всегда так ревет, когда ему квартальный бюджет урезают. Я скоро. Ты пока не выпускай этого, – он кивнул на Свирина, – пока не подпишет полный отказ от претензий. Форма 12-Б. Лежит в синей папке.

Она взяла синюю папку, нашла форму 12 и, прищурившись, начала читать мелкий шрифт.

– Так, – прошептала она, и в ее голосе зазвенела сталь профессионала. – Пункт об ответственности за порчу имущества при трансформации... Мы с тебя, свиринина, еще и за химчистку ковра взыщем.

Впервые за вечер Василиса Воронова почувствовала себя на своем месте. Ад был здесь, но это был бюрократический ад. А в нем она была как рыба в воде. Даже если вода эта – болотная или кишит кикиморами.

ГЛАВА 2. Досудебное урегулирование

Свинин приходил в себя тяжело. Сначала дернулось левое копыто, потом правая рука (трансформация застряла на полпути, оставив ему человеческие кисти, но свиные уши и пяточок). Он открыл глаза, мутные, как некачественный самогон, и попытался встать.

– Сидеть, – голос Василисы звучал так, как звучал обычно на советах директоров, когда кто-то предлагал сократить бонусы топ-менеджменту. – Резкие движения чреватy иском за порчу паркета. Это дуб, девятнадцатый век.

Вася сидела в кресле, закинув ногу на ногу. На коленях у нее лежала папка с формой №12, а в руке – тяжелая перьевая ручка, которую она нашла в ящичке стола.

Свинин хрюкнул, ощупал свое лицо и взвизгнул.

– Ты... Ты что наделала, ведьма?! Как я теперь в таком виде в МФЦ пойду?!

– Это не я. Это ваша психосоматика на фоне нарушения чужих границ, – спокойно парировала Вася. – Статья 14 Гражданского кодекса РФ: «Самозащита гражданских прав». Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению. Вы на меня напали – я применила самооборону. Все честно. А теперь давайте обсудим условия вашей капитуляции.

– Какой капитуляции?! – Свинин попытался вскочить, но пол под ним вдруг стал вязким, словно битум. Он увяз по щиколотку. Дом явно был на стороне новой хозяйки. – Я на тебя в суд подам! У меня дядя в областной прокуратуре! У меня справка есть!

– Успокойтесь, Геннадий. Или как вас там по паспорту? – Вася постучала ручкой по папке. – Я изучила этот документ. Форма 12: «Акт об отказе от территориальных претензий в обмен на сохранение человеческого облика». Очень интересное чтение. Пункт 3 гласит, что, если вы не подпишете отказ добровольно, трансформация станет необратимой через... – она взглянула на наручные часы, – ...сорок минут. И вы останетесь свиньей. Буквально. А свиньи, как известно, права собственности не имеют.

Свинин побледнел. Пятачок задрожал.

– Это шантаж!

– Это сделка, – поправила Вася. – Win-win, как говорят у нас в столице. Вы подписываете отказ от покупки этого участка и обязательство не приближаться к Ведьминому тупику ближе, чем на километр. Я ставлю печать, которая откатывает вашу... мутацию.

Дверь скрипнула. В комнату вошел Иннокентий. Он был мокрый, злой и держал в зубах полиэтиленовый пакет с логотипом популярного супермаркета «Калинушка».

– Зернового кофе нет, – буркнул кот, выплюнув пакет на диван. – В ларьке только растворимый и сухарики со вкусом холодца. За кофе в зернах нужно будет в центр ехать, это уже без меня.

Кот посмотрел на Свинина, который пытался вытащить ногу из пола.

– О, очнулся. Вася, не верь ему. У него пальцы скрещены за спиной. Это старая клановая привычка.

– Я вижу, – кивнула Вася. – Иннокентий, будь добр, найди в архиве бланк проклятия на импотенцию. Кажется, это папка «Семейное право», раздел «Меры обеспечительного характера».

Свинин взвыл.

– Не надо! Подпишу! Где?!

Вася протянула ему бумагу и ручку.

– Здесь. И здесь галочка – согласие на обработку персональных данных. Без этого сейчас никуда.

Риелтор трясущимися руками поставил закорючки. Как только последняя подпись легла на бумагу, Вася взяла чугунную печать. Она снова почувствовала тепло, и перед глазами всплыл текст: *«Завершение договора. Энергозатраты: 5%. Откат трансформации: Запуск»*.

Она с силой прижала печать к бумаге. Зеленая вспышка на этот раз была мягкой, почти уютной.

Свинин охнул, его уши втянулись, пяточок расплылся обратно в нос картошкой, а щетина исчезла. Он снова стал потным, неприятным, но человеком. Пол отпустил его ноги.

– Вон, – тихо сказала Вася.

Свинина не пришлось просить дважды. Он вылетел за дверь, забыв про свой кейс, и было слышно, как он шлепает по лужам, проклиная тот день, когда решил заняться недвижимостью в Тумановце.

– Неплохо, – оценил кот, разрывая когтем пакетик кофе 3 в 1

– Для первого раза – твердая четверка. Бабка обычно превращала их в жаб, а потом продавала французскому ресторану. Ты гуманнее.

– Я юрист, Кеша. Мертвый ответчик не платит судебные издержки, – Вася потеряла виски. Голова гудела. – Что в пакете?

– Я же сказал: суррогат кофе, сгущенка и банка шпрот. Шпроты мне.

– Справедливо.

Вася подошла к старому электрическому чайнику, который стоял на подоконнике. Пока вода закипала, она смотрела в окно. Дождь кончился, но туман стал гуще. В его клубках двигались тени.

– Кеша, – спросила она, не оборачиваясь. – Кто они? Клиенты?

– Они самые. Очередь занимают. Слухи быстро расходятся. Но сегодня приема не будет. Тебе надо принять дела.

– Какие дела?

– Инвентаризацию, – кот запрыгнул на стол и лапой открыл толстую амбарную книгу. – На балансе ИП «Вороний глаз» числятся разные магические вещи, документы и, самое главное, Контракты.

– С кем?

– С городом, Василиса. С Лесом. И с теми, кто живет Между. Твоя бабка была не просто нотариусом. Она была... как бы это сказать на твоём языке... Омбудсменом по делам нечисти. Они не могут пойти в обычный суд, если их кинули. Они идут к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.